

«Любви моей ты боялся зря...»

Неожиданный факт открылся, когда оказалось, что невозможно найти свидетельство о рождении Новеллы Николаевны. По ряду юридических моментов было необходимо получить копию документа о рождении. Содержание ответа из архива отдела ЗАГС г. Пушкин, бывшего Царского Села, было и ожидаемо, и не очень. Год рождения Новеллы Николаевны был указан как 1930-й... После уточнения всех деталей с сотрудниками архива стало понятно, что ошибки быть не может. По воспоминаниям Светланы Николаевны, родной сестры, их дом в Юной Республике, в Щёлковском районе Подмосковья, однажды после войны ограбили и вынесли всё ценное вместе с документами. При их восстановлении, для подтверждения года рождения Новеллы, было проведено врачебное освидетельствование. Это обычная и обязательная процедура для установления возраста ребёнка при отсутствии документов. По итогам чего и был подтвержден и внесён в новые документы 1934 год рождения, который назвала Надежда Тимофеевна, мама юной Новеллы. Сделала она это для того, чтобы можно было снова отдать дочь в школу: из-за болезней было пропущено слишком много, а по физическому развитию девочка вполне подходила под ребят года на четыре младше. В школу она так и не пошла, а год рождения остался. Знала ли и помнила Новелла Николаевна об этом? Наверное, мы этого никогда не сможем ни утверждать, ни опровергнуть. Таким образом, этот, 2020-й, год с юридической точки зрения является юбилейным. Неоспорим тот факт, что вся биография, награды, премии и прошедшие юбилеи были организованы исходя из 1934 года рождения. Ломать все эти устоявшиеся даты было бы неверным. Но и четыре года жизни убрать из биографии человека было бы несправедливо. Получается, что Новелла Николаевна покинула нас, не дожив чуть больше месяца до своего 86-летия¹.

Почему у нас гениев нет?

Обосновываем, утверждаем и подтверждаем правду. Каждый свою. Но каждый — минуя вопросы земного богатства и земной бедности. Как будто

Новелла Матвеева с отцом и с мамой (1960-е)

это что-то второстепенное. Как будто на путях правды бывает что-нибудь другое, кроме этих двух проблем. Как будто их как-нибудь этак обойти можно. Сделать вид, что не от них все, буквально все остальные вопросы! Проблемы! Беды!

При всяком новом успехе этой маленькой хитрости убавляется нечто важное в каждом человеке, в каждой судьбе, в каждой профессии — везде, где эту хитрость применили. Но самое необратимое происходит, конечно, с художником, закрывающим глаза на самое вопиющее: на богатство одних и на бедность других, уживающиеся — то есть якобы начинающие радостно уживаться — и на нашей земле! Художник, с фактом столь трогательной уживчивости согласный заведомо, разумеется, не правдив. Я даже напрямую сказала бы, что он лжец. (Причём отнюдь не такой «милый», как Бернард Шоу в исполнении Кторова!)

Правда, сам (ни на Шоу, ни на Кторова не похожий) служитель муз так откохо от себе, конечно, не думает. С легкостью откававшись, точно от назойливой мухи отмахнувшись, от... ну если не от единственной, то от главной истины жизни, истины современности, он, думается, продолжает ощущать себя значительным лицом нашей эпохи. Но и это ещё не самое странное. Интереснее всего, по-моему, то, что он считает социальное отменённым (вариант: немодным) и не замечает, что даже «отмена» социального начала в жизни и в искусстве произошла без его помощи и участия. То есть без помощи и участия властителя дум! (Впрочем, тут я, может быть, и ошибаюсь и возвожу на него напраслину? Беру своё обвинение назад, так как

1. Вступление, публикация и подготовка текста Павла Калугина.

вспомнила, что общественное в обществе отметить пытался в своё время именно он!)

Массовое вступление нашего писательства вдруг на новую — антиобщественную — стезю, может быть, и нужно ему для каких-то целей, и с этим я не спорю. Но вряд ли это (не первое и не последнее) новообращение писательских масс будет столь же необходимо и читателю. Вряд ли вся эта Вита Нова (не первая и не вторая) может как-то переключиться с истинной классикой и способствовать подлинному расцвету натурального творчества. Сама природа художества противилась, противится и всегда будет противиться бесчеловечным решениям. Но, кажется, мы научились презирать природу вещей, и вот почему (таланты у нас есть, но) гения нет и не может быть.

Нам могут заметить, что будто бы извечная тема «отверженных», «бедных» людей, «униженных и оскорблённых», мол, дело вкуса авторов. А вообще-то, мол, времена «шинелей», «станционных зрителей» и всяких там «капитанов Копейкиных» отошли, дескать, в предание. И «ну кто ж так бессовестно врёт», дескать, что именно сейчас они, эти времена, возвращаются?! Что ж. Пусть каждый сам наедине со своей совестью решает для себя эти вопросы. Пускай кто-то думает себе, что сострадание — дело вкуса, а негодование несовременно. Будем хотя бы надеяться, что литератор, придерживающийся таких взглядов, не станет заблуждаться насчёт их популярности и, по крайней мере, пожелает остаться в тени. Не станет то есть претендовать на величие, потому как гордиться нечем. Но где там. Но что вы! «На нём треугольная шляпа и серый походный сюртук!» А поверх треуголки императора Буонапарте — ещё почему-то и венец великомученика — с колючками и лучами, расходящимися в разные стороны!.. Именно потому, что он презирает бедных людей (глядя на лохмотья которых, плакал когда-то Радищев), именно за это он, этот новенький, и приписывает себе гениальную одержимость, да ещё и рокошет нам, как Зевес, что-то такое насчёт морали и нравственности...

Злодеи существовали всегда. Но злодеи старинные знали, что они злодеи. Злодей же наших дней этого о себе не знает и знать не желает. Наоборот, он даже гордится собой, на седьмое небо лезет от мысли, что он никого не убил (хотя мог бы!), но помогать кому-то... Кому-то даже совсем неизвестному — это-то уж для него слишком. А может быть, эти нищие лишь по своей вине нищие-то? Бить в набат, кричать, что это — люди? А ведь ещё неизвестно, каких они там, на мостовой, внизу, взглядов придерживаются!..

Конечно, не каждый из нас нынче в силах помочь бедняку, беднейшему, чем мы сами. Но чтобы воззвать к обществу, напомнить ему, что делается, — не надо обладать золотыми приисками.

Чего там! Добродетельным поступком для некоторых из нас явился бы даже простой отказ наш от нападок на социальное начало в творчестве. А ведь не отказываемся! Иронизируем, глумимся над самой традицией «Бедных людей» и «Шинели». И это сегодня! Поищите во временах время, когда подобное поведение пришлось бы для общества кстати. Не найдёте.

Разумеется, всякий волен смотреть на искусство как ему заблагорассудится. Почему бы и не сочинить, например, любой степени лёгкости водёвиль? Либо уж наоборот: не задать — посредством кино или сцены — такой мощный заряд здорового миллиардерского плача (слёз этак часика на два, на три — ведь «богатые тоже плачут», и не только в Мексике сороковых годов!), что, как говорится, хоть стой, хоть падай... И, между прочим, всё равно не поймёшь: в чём пороссячья тонкость эротической проблематики, — и отчего столько горя, и о чём, собственно, ты обязан рыдать вместе с автором и героями?!..

В искусстве, почти как в жизни, всё дозволено. Особенно теперь. Вот ведь и роман ужасов перевели сегодня на живопись и перенесли на поэзию. Да, собственно, и на всю культуру распространить рады. Но какой нам всем от этого (пусть мрачный, пусть вымороченный, пусть обморочный бы, но) толк? Для чего нам запоминать уроки ужасов, каких бы то ни было, если главного ужаса (а он-то ведь не в искусстве, а он-то у нас прямо перед глазами!) мы не видим? Не видим, как прямо на городских многолюдных улицах бедняки падают от голода.

Есть корреспонденты, не стесняющиеся утверждать, будто эти нищие на улицах гибнут от пьянства, от не тех, дескать, сортов заграничного виски или бургундского. Интересно бы узнать, а на какие деньги сегодняшний беженец или нищий делает подобные покупки?! Бог судья тем, кто в довершение всех своих прочих грехов-преступлений ещё и оговаривает погибших! Оговаривают погибших и писатели. И кажется им, и чудится им (то есть некоторым из них), что прежде они оговаривали не тех, а теперь — тех стали оклеветывать, и потому — ступили, почитай, на новый виток художнического развития, а значит, и Добродетели! Опять-таки Бог им судья. А всё-таки я не могу понять: как всё это у них увязано с *настоящим* гуманизмом и со всеми его *настоящими* посылами? Увы. Забота о реальном человеколюбии есть, кажется, самая последняя мысль, какая только может прийти им в голову. И вот почему, собственно говоря, есть у нас покуда только таланты, а гениальных писателей нет и не может быть.

А если и есть где-то всё-таки гений, то благодаря новой цензуре (и новой, и старой, как мир, антисократовской цензуре вольного обывательского большинства) он не только не увидит, но и не взвидит света!

Плакальщица

Что не плакальщица я, не причитальщица,
Не рыдальщица, сердцам не надрывальщица,
И к чужому-то я горю не привальщица,
И волос-то на головушке не рвальщица!

Не люблю я нашу плакальщицу Фёклушку:
Она ходит бережливо, как по стёклышку,
Поколыхивает чёрною оде́жею,
Юбкой пасмурной да шалью непогожею.

А и смотрит она, Фёклушка, иконою,
А лицо-то у ней воблино, копчёное,
А зовут-то её, чёрную палачицу,
Где самим бы надо плакать, да не плачется!

А вы гляньте ей в глаза: они сухим-сухи;
Суше камня, суше ветра, суше засухи!
Аж до боязного сухо, до песочного!
Никакого дуновения проточного.

На крылечко-то ничком она бросается,
Лбом-то бьётся, да слеза не вытрясается,
А как не было бы Фёклушке заплачено,
Вот тогда бы наша Фёклушка—заплакала!

1964

Маяк

Я истинного, иссиня-седого
Не испытала моря. Не пришлось.
Мне только самый край его подола
Концами пальцев тронуть довелось.
Но с маяком холодновато-грустным
Я как прямой преемственник морей
Беседую. Да, да, я говорю с ним
От имени спасённых кораблей!
Спасибо, друг, что бурными ночами
Стоишь один, с испариной на лбу,
И, как локтями, крепкими лучами
Растаскиваешь темень, как толпу.
За то, что в час, когда приносит море
К твоим ногам случайные дары—
То рыбку в блеске мокрой мишуры,
То водоросли с длинной бахромою,
То рыжий от воды матросский нож,
То целый город раковин порожних,
Волнисто-нежных, точно крем пирожных,
То панцирь краба,—ты их не берёшь.
Напрасно кто-то, с мыслью воровскою
Петляющий по берегу в ночи,
Хотел бы твой огонь, как рот рукою,
Зажать и крикнуть: «Хватит! Замолчи!»
Ты говоришь. Огнём. Настолько внятно,
Что в мокрой тьме, в прерывистой дали
Увидят
И услышат
И превратно
Тебя не истолкуют корабли.

Я понимаю вас!

Достойный дю Белле писал из Рима другу,
Что мало пишется, что вдохновенья нет.
Но звонко между тем сонет сонету вслед
Из-под пера его летел, как вихрь по лугу...

Что это значило б? Неужто лгал поэт?
И, ловко пряча взлёт, изображал натугу?
Нет. Просто... он не мог вменить себе в заслугу
Без чувства РАДОСТИ набросанный терцет...

Сама поэзия «не в счёт», когда унынье
Ей точит карандаш. Когда забота клинья
Вбивает между строф. Растёт стихов запас...

Но если качество творишь без увлечения,
То и количеству не придаёшь значенья.
Высокочитимый мэтр, я понимаю Вас!

После 20 июня 1993

Синее море

Поэту Ивану Киуру

Синее море—белая пена;
Бурных волн бесконечная смена...

Знаю: за той чертой,
За поволокою,
За волоокою
Далью далёкою,—
Знаю: за той чертой
Вечно чудесные,
Мне неизвестные страны лежат.

В зарослях тёмных райские птицы
Там горят, как лучи сквозь ресницы!

Там по побережью дружною парюю
Ходят рядком какаду с кукабаррою.
А за утёсами
Там носом к носу мы
Можем столкнуться,
Можем столкнуться порою
С утконосами.
(В дюнах, под солнца
лучами раскосыми.)

А за лианами
Переплетёнными
Там водопады стоят
веретёнами...
Ветер травой шумит, равнина тянется...
Там кенгуру пробежит и вдруг—оглянется!..

Синее море,
Белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

1973

К Луне

То горящая, то тёмная,
Оспой кратеров изрытая,
Для науки обретенная,
Для поэзии—забытая,—
Обратись к Земле по-прежнему!
Током будь не остывающим
Чувству древнему и нежному;
Ты была ему товарищем!

К тем, кто ходит по следам твоим,
Вороти былые милости!
Ведь не скажешь (по чертам твоим),
До чего переменилась ты;

Никаким чутьём не чаемых,
Обрела гостей непрошенных,
Столь на вид—непререкаемых,
Чем-то втайне огорошенных!

Мы и сами уж не те, Луна:
Мы заложники страдания.
Что-то вдруг над нами сделано
Против правил Мироздания!

Завладели шершни ульями.
Дурь дурных вперёд проплачена.
Не на ту стезю шагнули мы,
Что судьбой была назначена.

Жди и ты, Луна, предательства!
И к тебе гонцы—не знамо с чем:
С картою ли открывательства?
С башмаком ли, в нос пинающим?

Только что тебе диктаторов
Снизу взвитое давление?
Растворится в твоих кратерах
Их с тобой ознакомление.

Что тебе мамона грозная
И гостей царенье мнимое?
Ты по-прежнему—бесхозная,
Всё равно—непостижимая.

Чванству чуждая зловредному,
Шанс дающая Познанию,
Не уподобляйся ж—бледному,
Бедному завоеванию.

Артемидою, Селеною—
Всю проходишь ты Вселенную!
Равная шедевр гения,
Ты свободна от рождения!

Матерь племени мятежному,
Зачарованная Лучница!
Отнесись к Земле по-прежнему,
Что-то, может быть, получится...

Штормовое предупреждение

К побережью Франции
сильная льдина плывёт!
Ей гогочут богатые зомби—
пресыщенный сброд.
Оплавливаются айсберги
ростом с Афины и Рим—
Все в восторге! (Ведь «Гибель
Титаника»—нравилась им!).

Все рехнулись никак?
Дальше носа не видит никто.
«После нас хоть потоп!»—
рассуждают владельцы авто.
«После нас хоть потоп!»—
проносясь на машинах своих...
Почему после них?
Это может стрястись и при них.

И при свете дневном—угорели!—
не видят ни зги!
И шаги Командора для них—
ну, шаги как шаги...
Заползают на горы—
но им не достигнуть вершин,
Где записано: «Стоп!
Парниковый эффект—от машин!»

Прогуляйтесь пешком!
Не считите, ребята, за труд!
А не то у вас ноги,
того и гляди, отомрут...
Не слабó лихачам-автогонщикам
наземь ступить;
Вишь, торопятся!—
Арктику надо успеть растопить...

Мчат—фужеры налить—
за вонючий стриптиз—до краёв...
Алчет крови безвинной—
зачинщик собачьих боёв...
Вот что значит,
когда в «гениальность» впадают «умы»!
Тут уж пир—не *во время* чумы,
а *во имя* чумы.

Им Кассандра—ничто.
Им посмешищем—Лаокоон
(В змеях вязнувший—
взянет теперь в непристойностях он)...
«Близок день—
и погибнет священная Троя»—был глас.
После вас—хоть потоп, говорите?
А если—*при вас?*

Поэты

Памяти Тудора Аргези

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты.
Под звёздами с ними не страшно: их ждёшь, как покоя!
Осмотрятся, спросят (так важно!): «Ну, что здесь такое?»
Опять непорядок на свете без нас!»

(Кругом суета:
Мышь ловит кота,
К мосту рукава пришиты...
У всякой букашки просит защиты
Бедный великан!
Зелёный да алый
На листьях дымок;
Их бархат усталый
В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,
За дело, потрянув головами, берутся поэты:
Волшебной росой вдохновенья
кропят мир несчастный
И сердцам возвращают волненье,
а лбам—разум ясный.
А сколько работы ещё впереди!

Живыми сгорать,
От ран умирать,
Эпохи таскать на спинах,
Дрожа, заклинать моря в котловинах,
Небо подпирать!
(Лучами блистает
Роса на листе,
Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы предивны!
Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны—
Что в чужие встречаются печали, вопросы решают...
«Ах, вопросы нам жить не мешали: ответы—мешают!»

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах держали,
Вы горы свернули,
В русло вернули
Волны грозных вод...»
Потом засмеются
И скажут потом:
«Так вымойте блюдце
За нашим котом!»

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты;
Их тоска над разгадкою скверных, проклятых
вопросов—
Это каторжный труд суеверных старинных матросов,
Спасających старую шхуну Земли.

● ● ●
Я, говорит, не воин,
Я, говорит, раздвоен,
Я, говорит, расстроен,
Расчетверён,
Распят!

Ты, говорю, не воин,
Ты, говорю, раздвоен,
Распят и четвертован,
Но ты—не из растяп.

Покуривая трубку,
Себя, как мясорубку,
На части разобрал,
Ты, может быть, и прав.

Но знаешь?—этой ночью
К тебе придут враги:
Я вижу их воочью,
Я слышу их шаги...
Ты слышишь?
Не слышишь?
Они ползут, шуршат...
Они идут, как мыши,
На твой душевный склад.
И вскорости растащат
Во мраке и в тиши
Отколотые части
Твоей больной души.

— А что же будут делать
Они с моей душой?
А что же будут делать
С разбитой, но большой?

— Вторую часть—покрасят,
А третью—разлинуют,
Четвёртую—заквасят,
А пятую—раздуют,
Шестую—подожгут,
А сами убегут.

Был человек не воин,
Был человек раздвоен,
Был человек разрознен,
А всё, должно быть, врал:

Прослышав о напасти,
Мигать он начал чаще,
И—сгрёб он эти части,
И ничего!—собрал.

1965

Вы думали...

Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.

Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали—я рвусь к истокам,
А я-то—к устью.

Разлукой больше не страшала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я—прощалась.

1960

Синее платье

Как чудесно ситчик резать
В час, когда узор смеётся!
Как занятно—с лёгким треском—
Ножницам он поддаётся!

Из-под ножниц на пол прямо
Лоскуты летят, как пена...
Жарким летом
Шьют мне платье
Мама и соседка Лена.

Согласуют, обсуждают:

— Глупо—ждать октябрьской хмари!

— Поясок... Рукав?—Короткий;

Лето всё-таки в разгаре!

— Матерьяльчик—загляденье!

— Не расцветка, а находка.

Больше сплетничать не смогут,

Что «дочка у ей сиротка»!

...Я, в косыночке, с мотыгой

На плече,—иду с работы.

Ослепительное платье!

И... резиновые боты.

И мотыга, точно книга,

Шепчет: «Вот те кровь из носа:

Ситчик сносишь—а резине

В этом мире нет износа!»

Платье синее сносилось.

Всё прошло. Не только это!

Но в глазах, как жар, пылает

То индиговое лето.

Рощи зеленью сверкают—

Отвечает ситец синью...

Нужно думать о бессмертном.

И отпор давать унынию.

2004

Цыганка-молдаванка

Развесёлые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом воронá коня украли.
А ещё они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У неё в руках гитара,
Гитара,
Гитара!
Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери.
(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!
Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен била звонко.
И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки из кармана.

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!
Держит шляпу вниз тульёю...
Так живут одной семьёю,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.

И одна попона пыли на коне и конокраде.

Никому из них не страшен никакой недуг, ни хворость...

По ночам поют и пляшут да в костры бросают хворост.

А беглянка добрым людям

Проходим

Ворóжит:

Всё, что было, всё, что будет,

Расскажет,

Как может...

Что же с ней, беглянкой, было?

Что же с ней, цыганкой, будет?

Всё, что было,—позабыла.

Всё, что будет,—позабудет.

1961